

Литературные споры и размышления

ЧТЕЦ (писателю). Прошу вас, напишите для меня рассказ. Мне нужен для концертных выступлений хороший короткий рассказ.

ПИСАТЕЛЬ. В моей новой книжке вы, я полагаю, сможете кое-что подобрать... Разумеется, я писал для читателей... По заказу исполнителя мне до сих пор не приходилось писать.

ЧТЕЦ. А теперь напишите не только для читателей, но и для слушателей. Именно «по заказу исполнителя» с учетом его возможностей.

ПИСАТЕЛЬ. Право, не знаю, смогу ли я... Это не так уж просто...

ЧТЕЦ. Мне вспоминается одна из версий написания «Крейцеровой сонаты». В свое время к Льву Николаевичу Толстому явился актер Андреев-Бурлак с просьбой написать для него рассказ. Лев Николаевич высоко ценил этого актера и охотно согласился. Начал писать, терпеливо трудился, приложил немало усилий, и... рассказа не вышло. Получилась... «Крейцера соната».

ПИСАТЕЛЬ (смеется). Вот видите! Даже для Льва Толстого это было не так просто написать рассказ «на исполнителя». Что же тогда говорить нам, грешным?

ЧТЕЦ. И хотя рассказа у него не получилось, а вышло большое полотно, тем не менее это произведение так написано, что фрагменты из него все время исполняются в концертах. Думаю, что, когда он писал, он «видел» перед собой исполнителя. Известно, что те всхлипывания, которые вырываются у Позднышева, когда он рассказывает о своей жизни и об убийстве жены, были свойственны актерской манере Андреева-Бурлака.

ПИСАТЕЛЬ. Но ведь ни Чехов, ни Мопассан, ни Куприн не писали специально для концертной эстрады, и все-таки их произведения широко и успешно исполняются многими артистами. Как видите, совсем не обязательно писать специально «на актера», по его «мерке», учитывая его сценические данные.

ЧТЕЦ. Я не утверждаю, что это обязательно, но... крайне желательно. Выиграет от этого не только чтец, но и писатель, а главное — публика.

Я очень рад, что в еженедельнике «Литературная Россия» поднят «большой разговор о малой прозе» — о рассказе. И не прочь включиться в этот разговор...

ПИСАТЕЛЬ. Что ж, давайте поговорим. Но я начну с упрека. Мы, советские писатели, вправе предъявить вам, да и не только вам, но и Игорю Ильинскому, и Дмитрию Журавлеву, и некоторым другим чтецам серьезные претензии. В наших журналах, и толстых, и тонких, а порою и в газетах печатаются новые рассказы о людях нашего сегодня. Что-то мы такие рассказы редко слышим в ваших литературных концертах. Почему?

Эммануил КАМИНКА,
заслуженный артист республики

ЧТЕЦ. Это не совсем точно. Когда появились рассказы «Русский характер» Алексея Толстого или «Судьба человека» Михаила Шолохова, чтецы буквально «накинулись» на них. Немало исполняются в концертах и рассказы Валентина Катаева, Константина Паустовского, Веры Инбер, Юрия Нагибина, Сергея Антонова и других писателей.

ПИСАТЕЛЬ. Вы перечислили только небольшую часть пишущей братии. А в основном, сознаться, чтецы исполняют все-таки больше классическую литературу. Я ни в коей мере не умаляю ее огромного воспитательного значения, эстетического наслаждения, которое вы доставляете слушателям исполнением неповторимых рассказов наших великих классиков, но согласитесь, что у вас имеется большой и пока еще далеко не оплаченный долг перед СОВЕТСКОЙ литературой.

ЧТЕЦ. Вы затронули сейчас наше больное место. Поверьте, современная тема очень волнует нас. Каким бы большим успехом ни пользовались мастерски написанные рассказы Чехова, Куприна, Джека Лондона, Твена, мы в первую очередь хотим читать рассказы о тех, кого мы видим вокруг себя, о ЧЕЛОВЕКЕ нашего, советского общества.

ПИСАТЕЛЬ. Так в чем же дело? Разве мало у нас таких рассказов?

ЧТЕЦ. Написано много, но, к сожалению, не все подходит для исполнения. Еще много, ох, как много произведений, бедных по содержанию, унылых, однообразных и, главное... скучных. Нельзя выйти в концерте и читать рассказ, где будет заранее известно, как поведут себя герои, что они будут проповедовать, какая будет развязка. Если, сидя у себя дома, в кресле, можно такую «серятину» с досадой отбросить в угол комнаты, то представьте себе пытки публики, когда ей начинают преподносить нечто подобное.

Мне нужно рассказать публике что-то важное и сердечное, чтобы это было увлекательно, с динамически развертывающимся сюжетом, с ярко обрисованными характерами, с неожиданной концовкой.

ПИСАТЕЛЬ. Я вас понимаю. Вы имеете в виду классическую форму новеллы. Но учтите: хотя сюжет имеет огромное значение, дело не только в сюжете. ЧЕЛОВЕК — вот кто главный герой рассказа. Столкновение сильных характеров, умных, волевых людей — вот что интересно. На Западе сейчас многие проповедуют «бес-

Анкета «Литературной России»

1. Какой тип рассказа Вы считаете ведущим сегодня и наиболее перспективным?

2. Чем, какими жанровыми особенностями в настоящее время отличается рассказ от очерка, с одной стороны, от повести или романа — с другой?

«НАПИШИТЕ

сюжетную и безгеройную литературу», но это модное течение, как и всякая мода, быстро пройдет.

ЧТЕЦ. Да, безусловно. Но в западной литературе есть и немало хороших новелл. Взять хотя бы Стефана Цвейга... Например, «Письмо незнакомки».

ПИСАТЕЛЬ. Кстати. Честно говоря, я не совсем представляю себе, как можно в концерте читать такую длинную вещь?

ЧТЕЦ. Я читаю ее с небольшими купюрами больше часа. Без перерыва. Как говорится, «на одном дыхании».

ПИСАТЕЛЬ. Мне кажется, сосредоточенно слушать даже самое наисюжетное произведение больше 25—30 минут физически невозможно.

ЧТЕЦ. Представьте себе, эту новеллу публика слушает с неослабевающим вниманием... В русской классической и в нашей советской литературе есть тоже большие произведения, которые прекрасно слушаются. Например, «Дама с собачкой» и «Человек в футляре» Чехова, «Метель» Пушкина, «После бала» Льва Толстого. Из больших рассказов советских писателей назову прежде всего «Судьбу человека» Шолохова. Между прочим, я прочел в одной из статей такую фразу: «...Объемное, эпическое содержание, вместившееся в недлинный рассказ, свидетельствует о неисчерпаемых возможностях жанра...» Должен сказать автору этой статьи, что среди чтецов этот рассказ Шолохова считается длинным. Но какое значение имеет его «метраж», если он написан так талантливо, что его можно читать и слушать по нескольку раз!

ПИСАТЕЛЬ. Рассказ этот очень сильный. Он держит все время в напряжении. Он волнует...

ЧТЕЦ. Вот, вот! Наконец-то вы произнесли то слово, которое мне хотелось от вас услышать. Как видите, мы с вами находим общий язык.

ПИСАТЕЛЬ. Так это же аксиома. Настоящее художественное произведение должно вызывать эмоции, волновать...

ЧТЕЦ. Теперь вам ясно, какой рассказ нужен для эстрады? Бесстрастность — наш враг. Он сразу выплывает наружу. Если в рассказе нет чувств, эмоций, в зале воцаряется скука.

ПИСАТЕЛЬ. Ну, а если рассказ написан хорошим языком, человеком, хорошо знающим жизнь, если в нем действуют достойные люди, если взята актуальная тема, но... рассказ развивается недостаточно динамично

Литературная Россия, 1964, 7 авг.

3. Ваше мнение о роли характера в рассказе?
4. Что Вы находите для себя, для своего творчества в сокровищнице классической новеллистики?
5. Какие рассказы последнего времени кажутся Вам наиболее интересными? Какие достоинства в понравившихся Вам рассказах особенно значительны для развития современного советского рассказа? Какие недостатки Вы считаете типичными, мешающими его развитию?

ДЛЯ МЕНЯ РАССКАЗ»

Диалог чтеца
и писателя

или композиция его несколько рыхлая... Может ли чтец своим талантом вдохнуть эмоции в такой рассказ? Заставить публику слушать?

ЧТЕЦ. Хороший повар может иногда даже при отсутствии должного ассортимента продуктов приготовить вкусное блюдо. Приходится делать некоторые купюры, перестраивать отдельные куски... существуют различные приемы...

ПИСАТЕЛЬ. Имейте в виду: нашему брату это не всегда нравится. Купюры надо делать очень умело, бережно обращаясь с материалом.

ЧТЕЦ. Вполне понятно. Но сокращения диктуются не необходимостью. Производить их, конечно, лучше совместно с автором. Обычно авторы спорят, обжигаются... А когда походят сами несколько раз на концерты, увидят реакцию зала, убеждаются, что действительно нужно было «отжечь воду». Потом даже благодарят.

ПИСАТЕЛЬ. Есть писатели, которые еще не научились достаточно энергично и безжалостно вычеркивать, и материал, вполне достаточный для рассказа или очерка, раздувают в повесть. Очень немногие обладают талантом писать короткие рассказы, подобно Чехову или О'Генри.

ЧТЕЦ. А какая ощущается потребность именно в коротком рассказе? И к тому же юмористическом.

ПИСАТЕЛЬ. Таких рассказов много.

ЧТЕЦ. Я бы не сказал. Речь-то идет о Коротком рассказе, о таком, который написан на трех-четырех, максимум пяти страничках пишущей машинки. Напомню вам, что рассказы Тургенева «Дурак» (из сборника стихотворений в прозе) или, скажем, Чехова «О брешности», «Ушла» и некоторые другие уместаются на одной страничке. Большинство лучших рассказов Ильфа и Петрова или Зощенко не занимали больше двух-трех страничек на пишущей машинке. И уж, простите меня, если называть рассказ ЮМОРСТИЧЕСКИМ, то надо, чтобы это было действительно смешно не только самому автору, но и читателям, и слушателям.

ПИСАТЕЛЬ. Вы что же хотите, чтобы каждая фраза вызвала взрывы смеха? Такого не может быть.

ЧТЕЦ. Однако такое бывает. Ведь смеются же у Чехова, Марка Твена, Шолом-Алейхема почти непрерывно.

ПИСАТЕЛЬ. Ну, знаете... Во-первых, такой непрерыв-

ный смех встречается не в каждом рассказе даже у этих непревзойденных классиков юмора. А во-вторых, это совершенно необязательно. Мне кажется, гораздо ценнее, когда слушатели, постепенно вовлекаясь в сюжетную завязку, познакомившись поближе с действующими лицами рассказа, осваиваются, начинают сопереживать, улыбаться, в каких-то местах смеяться... Необязательно подряд смеяться.

ЧТЕЦ. Поверьте мне, я знаю концертную публику лучше вас, я с ней все время общаюсь — она нетерпелива. Она расхолаживается, если ее ПОСТЕПЕННО вовлекать в сюжетную завязку. Завязка должна быть предельно лаконична. Я знаю по своему многолетнему опыту, что слушатель плохо реагирует, если между каскадами смеха существуют продолжительные разрывы. В таких случаях слушатель как бы замыкается и его уже труднее расшевелить. Публику нельзя ни на минуту разманичивать. Концентрированный юмор держит ее все время в хорошем, приподнятом настроении.

ПИСАТЕЛЬ. Что ж, по-видимому, в искусстве смешного есть много нераскрытых тайн. Недаром комедиографы утверждали, что никогда заранее не могли с точностью предугадать, какое положение или какая фраза «дойдет или не дойдет» до зрителя. А для автора, намеревающегося написать юмористический рассказ, это значительно труднее, поскольку у него ограниченные возможности. Его герои в противоположность героям комедии не действуют, а рассказывают, да еще большей частью от первого лица.

ЧТЕЦ. Чтобы сказать с уверенностью о рассказе: это смешной рассказ, — нужно обязательно послушать его «на публике», увидеть реакцию зала. Вот она, «лапмусовая бумажка»! Как часто бывает: автор уверен, что написал смешной рассказ, а на проверку выходит, что публика даже ни разу не улыбнулась.

Один из наших почтенных писателей-сатириков, написав для меня рассказ, не поленился после этого ходить со мной на разные концерты, чтобы лично убедиться, какова реакция слушателей на смешные положения его рассказа. Он продолжал работу над своей вещью до тех пор, пока мы не добились полного успеха. Это случилось... после шестнадцатого варианта.

ПИСАТЕЛЬ. Вот это здорово! Правда, не исключено, что можно написать хороший юмористический рассказ

и в один день, как это сделал Чехов, написав в один присест и без единой пометки свою знаменитую «Сирену», но... исключения только подтверждают правило.

ЧТЕЦ. Юмор — серьезная штука.

ПИСАТЕЛЬ. Так или иначе, приятно сознавать, что жанр рассказа любим нашим народом. И чем шире и разнообразнее будет творческая палитра советских писателей, и маститых, и молодых, чем больше будет рассказов, и героических, и лирических, и комедийных, тем богаче будет вся наша советская литература.

ЧТЕЦ. А если к тому же герои этих произведений будут полнокровные, тонкие, душевные, умные люди, тогда золотой фонд советской прозы намного увеличится. Кстати, умные, полноценные люди тоже нередко попадают в смешные ситуации, и о них тоже могут быть написаны смешные рассказы.

ПИСАТЕЛЬ. Вы правы. Надоели трафареты. Ходячие, прописные истины, убогие мысли и ущербные люди обедняют высокую идейность нашей литературы.

ЧТЕЦ. Да! Вот еще! Чуть не забыл! Мне кажется, надо серьезно подумать о том, как бы улучшить и более современными методами пропагандировать среди читателей печатающиеся рассказы. Вот я — чтец. По роду своей профессии мне приходится немало читать. Но и мне трудно за всем уследить. И я пропускаю много хороших рассказов. Нужна реклама. Да, да! Хорошая реклама. Не бойтесь этого слова и не поймите меня в плохом смысле. Нужно найти интересные способы фиксировать внимание читателей на отдельных новых рассказах, а не только на сборниках. Духовная пища нужна не меньше, чем спортивные рекорды для воспитания человека нового общества. Ведь не считается же зазорным рекламировать кинофильмы, новые спектакли, выставки художников, хорошие песни. Почему же нельзя в области рассказа объявлять «бестселлеры»? Советские «бестселлеры»! Объявить, скажем, ежегодную Чеховскую премию за лучший рассказ. Еще шире использовать возможности радио и телевидения, концертный зал Библиотеки имени Ленина или Политехнический музей, где устраивать открытые конкурсы... Если вплотную заняться этим, найдется немало интересных предложений. Все это будет воспитывать у читателей хороший вкус. Новое произведение станет достоянием не только узкого круга литераторов и критиков. Большой разговор о малой прозе — о рассказе — должен стать поистине большим разговором. Духовная пища, которая так необходима советским людям, будет еще обильнее, если к проблеме рассказа будет проявлено поистине серьезное и повседневное внимание. А пока прошу вас: НАПИШИТЕ ДЛЯ МЕНЯ РАССКАЗ,

Литературная Россия, 1964, 7 абз.